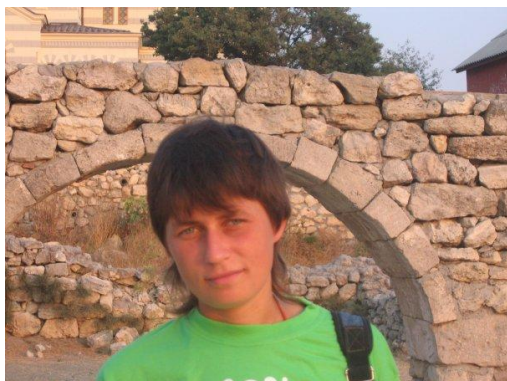

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).041

«ЗЛОХИТРЕВА ЖЕНА» «ОКАЯННАЯ МАРФА»: МИФЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О РОЛИ МАРФЫ БОРЕЦКОЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ МОСКВЫ И НОВГОРОДА И ОСНОВАНИИ СЕВЕРНЫХ МОНАСТЫРЕЙ

'EVIL-CUNNING WIFE', 'DAMNED MARFA': MYTHS AND HISTORICAL SOURCES ABOUT THE ROLE OF MARFA BORETSKAYA IN THE POLITICAL STRUGGLE OF MOSCOW AND NOVGOROD AND IN THE OUTDATION OF THE NORTHERN MONASTERIES

©Амбросье Татьяна Витальевна, учитель истории МБОУ «Соловецкая средняя общеобразовательная школа». E-mail: tataynka-is@yandex.ru

©Ambroche Tatyana Vitalievna -the teacher of history of the Solovetsky secondary school. E-mail: tataynka-is@yandex.ru

©Чуракова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук САФУ. E-mail: ochurakova@yandex.ru

©Churakova Olga Vladimirovna. Ph. D. (History), Associate Professor of the Native History Department of the Institute of Humanities, Social and Political Sciences of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V.Lomonosov. E-mail: ochurakova@yandex.ru

Аннотация. Обращение к историческим источникам (летописным сводам, устным преданиям) позволяет не только установить степень достоверности исторических текстов, но и актуализировать события прошлого. Имя Марфы Борецкой хорошо известно историкам, но её роль в основании северных монастырей сильно преувеличена

Ключевые слова: Север, политическая борьба, монастырская колонизация, гендерные роли, личность в истории, альтернативы исторического развития

Abstract. Examination of the sources (annalistic codes, verbal folklore) not only allows us to determine the reliability of the historical texts, but also helps us to actualize the events of the past. Marfa Boretskaya's name is well-known by the historians, but as sources indicate, the role in the foundation of the northern monasteries is grossly exaggerated.

Keywords: The North, political struggle, monastic colonisation, gender roles, personality in history, alternatives of historical progress

При формировании информационного пространства Севера в начале XXI в. очень важна точность в передаче исторических фактов. Между тем в краеведческой и популярной исторической литературе, на страницах путеводителей и сайтах турагентств, в экскурсионной

практике зачастую звучат легенды и мифы, давно развенчанные научными исследованиями. Вне сомнения мифологемы в исторической памяти народа играют основополагающую роль; историческая память как вид коллективной (или социальной) памяти и представляет собой передаваемые из поколения в поколение исторические тексты — рефлексию на событиях прошлого, очень часто зафиксированную в виде мифов. Для понимания того, что в действительности происходило с легендарными фигурами прошлого в сакральные для развития государственности периоды, необходимо более критическое отношение к интерпретации таких уникальных источников, как актовъй материал, летописные своды и устные предания.

Одним из «узловых моментов» прошлого, осмысление которого очень важно для граждан нынешнего российского общества, является период формирования Московского царства (вторая половина XV в.). Тогда впервые в российской государственной политике «рука Кремля» сурово покарала «непокорников» — северо-западные территории, пытавшиеся вести самостоятельную «европейскую» политику. Интересно, что вопреки сложившемуся стереотипу восприятия средневековой россиянки как «теремной затворницы» в борьбе с диктатом Москвы активное участие принимали женщины. Наиболее знаменитая из них «посадница» Марфа Борецкая, которая известна еще и тем, что с ее именем связывают устройство северных монастырей: Соловецкого, Николо-Корельского и др.

Так ли это на самом деле? Какую роль сыграла мятежная новгородская боярыня в истории монастырского учредительства, в политической борьбе за северные территории? Попробуем еще раз обратиться к историческим источникам и исследованиям.

В истории Севера XV в. ознаменован не только эпохой противостояния Москвы, уже объединившей к тому времени большинство северо-восточных русских княжеств, и «Господина Великого Новгорода». Это еще и период активного «монастырского» освоения окраин континента. Север не напрасно окрестили Русской Фиваидой — православные обители появились в этих местах еще во времена раздробленности русских земель. Изначально монашество приходило на Север двумя путями: из центра России (ростово-суздальских, затем московских земель) и Новгорода Великого. Но если в XII—XIII вв., «не будучи тогда обремененными земельными владениями, не втянутые в торговую и хозяйственную деятельность», северные монастыри «сосредоточились на миссионерской и богослужебной деятельности», [11, с. 51], то в XIV—XV вв. многие обители становятся вотчинниками, центрами экономики и торговли и оказываются втянутыми в политическую борьбу между возвысившейся Москвой и свободолюбивым Новгородом Великим. Тем не менее, как полагают исследователи, неверно было бы видеть в волнах монастырского учредительства аналоги политической борь-

бы за влияние на местное население. «В исторической литературе нередко можно встретить утверждение о том, что московские митрополиты в этот период выполняли политические заказы своих князей, а новгородские архиепископы — своих бояр. А потому в устройении монастырей XIV—XV вв. усматриваются прежде всего политические мотивы, а также противостояние двух кафедр в деле распределения «сфер влияния» на Севере», — отмечает Александр Васильевич Камкин. Авторитетный ученый полагает, что «все было намного сложнее. У церкви, как известно, есть свои, отдельные задачи, не связанные напрямую с политическими пристрастиями той или иной эпохи. К тому же в условиях феодальной раздробленности она — в силу канонических и догматических принципов — оставалась в конечном счете единой организацией. Относительная автономия и самостоятельность Новгородской кафедры не отрывала ее от единого организма поместной церкви. А потому и создание монастырей в различных местах Севера, благословляемых разными церковными центрами, означало саморазвитие и дальнейшее утверждение здесь единой православной церкви» [11, с. 52—53]. Вероятно, в XV в. более значимой для монастырей была борьба за экономическое влияние: владение землей, промысловыми угодьями, рабочей силой. И потому наряду с миссионерской деятельностью обителям приходилось вести «дипломатическую», а иногда и вооруженную борьбу с теми, кто ранее владел той территорией, на которой основывались монастыри. Яркий пример такой битвы за выживание представляет собой история учредительства Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря в Белом море.

Вторая половина XV в. — важный этап в судьбе Соловецкого монастыря: в это время один из первых соловецких насельников игумен Зосима получил официальное признание статуса монастыря для основанной ранее на Соловецких островах обители. Давал грамоты монастырю новгородский архиепископ Иона. Но чаще всего обустройство обители связывают с именем вдовы новгородского посадника Марфы Борецкой, якобы уступившей монастырю собственные земли. Верно ли это? Что вообще достоверно известно об этой женщине? Быть может, имя ее — сплошная историографическая выдумка?

Действительно, незаурядная личность Марфы Посадницы привлекала внимание многочисленных авторов: летописцев, писателей, историков, краеведов. [16, с. 154—174; 30, с.25]. «Открыл» Марфу российской читающей публике «Колумб российский древностей» (так окрестил придворного историографа А.С. Пушкин) Н. М. Карамзин. Он трижды обращался к образу нижегородской героини: в произведениях «Марфа Посадница, или покорение Новгорода» (1802), «Известие о Марфе Посаднице, взятое из жития св. Зосимы» (1803) и в монументальном труде «История государства Российского» (том увидел свет в 1818 г.). Н.М.

Карамзин признавал, что «в сказках, в песнях и в преданиях осталось более следов ее, нежели в летописях» [12, с. 229], но, будучи писателем-сентименталистом, он создал настолько яркий образ мятежной посадницы, что в последующей исторической литературе ее образ сделался символом, неразрывно связанным с судьбой обреченного Великого Новгорода. Скучность исторических данных о Марфе компенсировалась у авторов фантазиями, домыслами, и вместо биографии конкретного человека получилась красивая легенда.

Н.М.Карамзин сравнивал Марфу-посадницу с вождем республиканской партии в Древнем Риме Катонем и выражал надежду, что ее имя будет вписано в галерею знаменитых россиянок [13, с. 249]. В XIX в. имя Марфы попало на страницы исторических и литературных изданий. С. М. Соловьёв писал, что «Марфа имела сильную власть над детьми по обычаю и по личному характеру и посредством этой власти пользовалась могущественным влиянием на дела родного города» [30, с. 127]. По мнению историка, именно она на городском вече (куда вообще-то не пускали женщин!) настояла на согласии «отложиться» от Москвы: «Наемники Борецкой являлись на площади, вопили о притеснениях Москвы, о золотой воле под покровительством Казимира литовского, камнями заставляли молчать московских приверженцев...». Интересно, что «западник» Соловьёв осуждал Марфу и противопоставлял ее Ивану III, «окруженному всем величием правды» [31, с. 85—86]. Любопытное мнение высказал в это же время историк Д.И. Иловайский: «Ничто так не свидетельствует о внутреннем упадке Великого Новгорода, как полный недостаток мужей, которые бы выдвинулись в эту эпоху своими талантами и гражданскими доблестями... В самое критическое время его истории на переднем плане является женщина, которая своей энергией и усердием к делу новгородской самобытности затмевает всех современных ей новгородцев» [10, с. 389—390]. Не обошли вниманием образ Марфы и «толстые журналы» — рупоры общественной мысли «золотого века» русской культуры: рассказы, «исторические драмы в стихах» и очерки о ней печатались в «Русской старине», «Отечественных записках», «Журнале министерства народного просвещения», «Московском телеграфе», «Северной пчеле» и др. Особенно популярен был образ мятежной «непокорницы» в период противостояния патриархальной Москвы и столичного Петербурга. Новый виток известности получило имя Борецкой после создания скульптором Михаилом Микешиним монумента «Тысячелетие России». Изображенный на памятнике образ Марфы положил начало визуализации легендарной новгородской посадницы. По мнению советского историка и филолога Я. С. Лурье, «образ Марфы Посадницы стал едва ли не важнейшей политической фигурой Новгорода накануне его падения» [22, с. 628—629].

Советская историография не могла активно разрабатывать темы противостояния Москве окраин и монастырской колонизации, но подкрепила наши знания о Марфе Посаднице архивными источниками. Боярскому землевладению на Севере были посвящены книги и диссертации, в том числе были изучены документы по боярской вотчине Борецких и монастырскому землевладению в новгородских пятинах в домосковский период [32, 34]. Обращались к образу Марфы Посадницы исследователи женской истории, но более всего внимания портрету знаменитой россиянки уделила в своих работах Н. Л. Пушкарёва, ныне признанный лидер историков — исследователей «женской темы» [28, с. 490].

Проявили интерес к женщине-легенде и иностранные гендерологи. Именно они сделали попытку разобраться с тем, где же в легендах о Марфе истинные события, а где вымысел [1]. Но сделать это достаточно сложно. После падения Новгорода архивы многих новгородских бояр, в том числе и Борецких, были уничтожены, а потому неизвестно когда и где родилась Марфа, спорны многие факты ее судьбы. Существует, например, две точки зрения на то, из какого боярского рода происходила легендарная женщина. По мнению большинства исследователей-историков и авторов статей в энциклопедиях и справочниках, Марфа происходила из рода новгородских бояр Лошинских [27, с. 52]. Профессор В.С. Иконников в свое время аргументировал это тем, что в летописи сын Марфы Фёдор Борецкий назван «сестричем» Ивана Ивановича Лошинского [3, с. 214].

Согласно другой версии, предложенной в том же XIX в. архангельским краеведом М. Г. Заринским, Марфа была из рода бояр Виремских, владевших вотчиной, расположенной в 15 верстах от Сумского погоста в сторону города Кеми, где на морском берегу и реке Вирьме стояла деревня Вирьма. В Синодике Соловецкого монастыря «род новгородской Марфы Исаковой дочери и Виремских род» записан под общим заголовком. Если допустить, что Марфа происходила из этого рода, то ее отцом мог быть Михаил Виремский [21]. Принадлежность к боярам Виремским подтверждается вкладом Марфы части своих угодий по реке Суме в Соловецкий монастырь. Что касается именованья в Синодике Марфы дочерью, а не женой Исака Борецкого, то это можно объяснить старинным русским обычаем величать жен и вдов именами своих мужей [14, с. 31].

Спорным остается вопрос и о количестве сыновей у Марфы. Достоверно известно, что у Марфы и Исака Борецкого было двое сыновей: Дмитрий и Фёдор Дурень. Наличие же у Марфы сыновей от первого брака (да и вероятность самого брака) вызывает большие сомнения. Основаны домыслы о «старших» сыновьях Марфы на предании, бытовавшем в Беломорье. По легенде, сыновья Марфы Борецкой Антон и Феликс, отправившиеся в свои вот-

чины в Обонежье, при возвращении утонули во время бури. Их останки были выброшены на берег и погребены в Николо-Корельском монастыре. На поминование своих детей знаменитая новгородская боярыня сделала в обитель щедрый вклад. Сохранилась грамота Николо-Корельскому монастырю, данная на села, ловища и пожни на Кудьме, в Неноксе и на Лавле острове. В этой грамоте упоминается раба Божия Марфа, ее деверь Фёдор Григорьевич, зять Афромей Васильевич, игумен Новгородского Спасо-Хутынского монастыря Василий. Именно по настоящему документ датируется началом XV в. Имеется также более ранняя купчая Филиппа Григорьевича на угожья, упомянутые в грамоте Марфы [23, с.18]. На основании этих документов дореволюционные историки отождествляли вкладчицу Марфу с Марфой Посадницей и, соответственно, называли Филиппа Григорьевича первым, а Исака Борецкого вторым мужем Марфы. Однако арифметические подсчеты делают маловероятной данную версию. В 70-х гг. XV в. Марфа Посадница имела двух взрослых сыновей (Дмитрия и Фёдора) и внука Василия Фёдоровича Борецкого. Как могли быть, в таком случае, у нее в начале XV в. взрослые сыновья от другого брака? Следовательно, стоит согласиться с исследователями, доказавшими непричастность Марфы Борецкой к основанию Николо-Корельского монастыря [21, с. 31—32].

Столь же противоречивы сведения об участии Марфы Борецкой в политической активности. Первые сведения о её деятельности историки почерпнули из летописей. Интересно, что в новгородском летописном своде имя Марфы не упоминается. Короткую запись о Борецких можно найти в «Летописи Двинской»: «Новгородцы, посадничьи дети Исака Борецкого, с матерью своею Марфою, умыслиша Новым городом, отказались от великого князя Ивана Васильевича Московского» [33].

Сюжеты, связанные с участием Борецких в политической жизни Новгорода, появляются в летописных списках, уже переработанных в Москве, а потому оценка поступков Марфы и ее сторонников очень тенденциозна [20, с. 115]. Например, московские редакторы «Повести о походе Ивана Васильевича на Новгород» не жалели нелестных эпитетов в адрес Борецкой («окаянная Марфа», «злая змея», «злохитрева жена» и т. п.) [25, с. 376—396]. Поводом для обвинений в адрес вдовы посадника стала ее антимосковская политика, желание сблизиться с западными землями. В источнике идет вымышленное изложение переговоров Марфы Борецкой и «споспешника» ее Пимена (ключника новгородского владыки Ионы и претендента на сан архиепископа) с литовским князем Михаилом (двоюродный брат Ивана III князь Михаил Олелькович подозревался в связях с польско-литовским королем). Автор текста сравнивает «злохитриву жену» «Марфу Исакову Борецкого» с древней Иезавелью,

«бесовной Иродиадой», царицей Евдокией, заточившей Иоанна Златоуста, «окаянной» Далилой. Еще более красочно подан данный сюжет во фрагменте московского великокняжеского летописного свода, который может быть рассмотрен как самостоятельный памятник московской публицистики XV в., — «Словеса избранна от святых писаний о правде и смиренномудрии». В источнике Марфа обвиняется в сговоре с князем Михаилом Олельковичем. Ей приписывается желание «отвести» Новгород от великого князя московского, а для этого выйти замуж за литовского вельможу и с его помощью владеть от имени короля Польского и великого князя Литовского Казимира IV Ягайловича «всею Новгородскую землею». «Марфа хотячи поити замуж за литовского пана за королева, да мыслячи приваести его к себе в Великий Новград. Да с ним хотячи владети все Новгородскую землею». Эти домыслы московских летописцев развенчали русские и советские историки (Г.Вернадский, Ю.Г.Алексеев, Р.Г.Скрынников и др.). Георгий Вернадский, например, полагал, что «обвинение звучит абсурдно, поскольку Марфа была уже пожилой женщиной. В это время Марфе было, вероятно, лет 65, если не больше» [6, 2]. Действительно, муж Марфы Исаак Андреевич Борецкий стал важным новгородским официальным лицом уже в 1426 г. и умер до 1459 г.

Кроме того, московский летописец ставит в вину Марфе и ее окружению стремление «поругать греко-православную веру и обратить новгородцев в римский католицизм» [21, с. 27]. Отступникам от истинной веры «Словеса избранна от святых писаний о правде и смиренномудрии» противопоставляют князя Ивана Васильевича - «хранителя, и крепка поборника по православию». Повествование строится на антитезе: Иван III, «глава Русской земли», правдивый держатель земли, пресветлый светильник благочестию, крепкий поборник православия, благородный, благоверный, а против его (и, следовательно, против истинной веры!) выступают новгородские мужи, ослушавшиеся «своего государя», «возгордевшиеся лукавством мысли». Они забыли великую старину, когда их предки ни разу не отступали «от своих господ», имена «великих государей князей держали на себе честно и грозно». Но главная их вина в том, что они намеревались «отступить» к «Латинскому королю», «хотячи лиха всему православию». Иван III, согласно летописи, проявляет кроткое долготерпение, но все его попытки образумить новгородцев не увенчалась успехом. Тогда великий князь двинул войска на Новгород и на Двину. Следовательно, документ был отредактирован для того, чтобы оправдать военный поход князя в 1471 г., осознающего, что гражданская война не делала чести её инициаторам, и те жесткие меры, которые последовали вслед за этим.

Чтобы понять, в чем обвинял московский князь новгородцев, следует вспомнить, что в 1456 г. отцом Ивана Васильевича, Василием II Тёмным, великим князем московским и вла-

димирским, и правительством Новгородской республики был подписан Яжелбицкий мирный договор («докончание»). Этот договор положил начало присоединению Новгорода к Москве. Сохранилось две копии договора, одна подписанная Москвой, другая — Новгородом, текст договора на этих копиях не одинаков. Однако, очевидно, что независимость Новгорода была серьезно подорвана (не случайно Иван Васильевич обращается к Новгороду: «моя отчина»; договор 1456 г. заключался от имени Василия II и его сына Ивана III, который был тогда шестнадцатилетним юношей), республика была сильно урезана в правах (например, новгородские печати, заверяющие документы, были заменены на московские). Москва, в свою очередь, обещала сделать некоторые территориальные уступки, но не торопилась с выполнением обязательств. Обе стороны постоянно нарушали условия договора и потому причины для начала вооруженного конфликта найти было легко. Нужен были лишь повод. И повод нашелся.

В ноябре 1470 г. в Новгороде скончался архиепископ Иона, миротворец, умело балансировавший между политикой Москвы и Литвы. Он достаточно долго удерживал новгородцев от «западничества». Но как только святитель Иона отошел в мир иной, в Новгород «на стол», испрошенный новгородцами у короля Казимира, приехал новый князь, Михаил Олелькович. А поскольку князь приехал в Новгород «из королевой руки», то это дало повод Москве обвинить Новгород в склонности к «латинству». Михаил Олелькович, в отличие от своего двоюродного дяди, короля Казимира, был не католик, а православный человек, но дело в том, что Михаил приехал из униатского Киева. После заключения Флорентийской унии 1439 г., признавшей первенство Рима в союзе христианских церквей, русская православная церковь раскололась: Киев унию признал, Москва категорически отказалась. Московские митрополиты удерживали русские земли от связей с униатами, например, диктовали новгородскому архиепископу, дабы тот Киевского митрополита Григория, «отступника, благословения не принимал... и писанием его и поучением не внимал». Церковным властям вторил великий князь Иван Васильевич в своих посланиях новгородскому владыке Ионе. Иона был вполне с этим солидарен, но он умер, и через две недели выборы нового архиепископа привели к очередному конфликту между сторонниками и противниками Москвы. На выборах на пост владыки победил протодьякон Феофил, решительный противник унии, желавший получить рукоположение в сан от московского митрополита. Но «умеренная партия» Феофила не имела силы в Новгороде, а проигравшего выборы Пимена поддерживали местные «олигархи» во главе с Марфой Борецкой, сторонники сближения с Литвой. Их «неполиткорректное» поведение и привело к очередному московско-новгородскому конфликту.

Вероятно, не без происков «партии» Марфы в марте 1471 г. «князь из королевь руки» Михаил Олелькович покинул Новгород (он был решительный противник униатов) и отправился в родной Киев. Новгородцам содержание князя со свитой «было истомно сильно: кормом... и великими дарами» оно удручало горожан. Не случайно, о Михаиле осталась нелестная память: «То не князь — грязь!» Справедливости ради стоит заметить, что Михаил Олелькович станет жертвой борьбы за «чистоту православия»: обвиненный в заговоре в пользу Москвы и за попытку свергнуть Казимира, он будет казнен в 1481 или 1482 г. А в 1471 г. его отъезд из Новгорода даст повод к новому импульсу московской политики вседержавности. Великий князь и митрополит снова обратились с посланиями к новгородцам через своего посла Ивана Федоровича Товаркова-Пушкина, потомка героя Невской битвы и предка великого поэта. Князь Иван Васильевич увещевал новгородцев: «Отчина есте моя...Мы владели вами и жалуем вас и бороним от всем. А и казнити волны же есмь, коли на нас не по старине смотрети начнете. А за королем ни за которым, ни за великим князем Литовским не бывали есте, как и земля ваша стала» . Масла в огонь подлили церковные дела: в 1471 г. патриарх Дионисий I признает Григория митрополитом Литовским и Всея Руси и отправляет в Москву и Новгород своего посла с требованием принять Григория как законного митрополита. Этим воспользовалась партия «западной ориентации», в частности Борецкие. «Господа» на этот раз твердо решила ориентироваться на Казимира.

В «Словесах избранных» сообщается, что И. В. Замятня привез Ивану III договорную грамоту новгородцев с литовским князем Казимиром, найденную у Дмитрия Борецкого. Копия договора с Казимиром хранится в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. По договору роль новгородского князя «отбиралась» от великого князя Московского («показаша путь» — такими словами «спроваживали» князя из Новгорода) и передавалась великому князю Литовскому. При этом оговаривалось условие, чтобы новгородская «старина и пошлина» не нарушалась, а главное — содержались требования «веры греческой и православной не отнимать» и «римских церквей... не строить». Казимир обязывался в случае любой военной угрозы Новгороду «сесть на коня за Великий Новгород со всею своей радою». Кроме того, не исключалось посредничество литовского князя в примирении Новгорода и Москвы [26, с. 165]. Договор заключался королем с послами «от нареченного на владычество Феофила, и от посадника степенного Василья Максимовича, и от всего Великого Новагорода мужей волных». Вся новгородская «старина» и пошлина, веками служившая основой договоров с великими князьями всея Руси, вся она теперь переадресовывается «честному королю» и великому князю Литовскому. Следовательно, Новгород выходил из состава Руси и становился про-

тивников Москвы. Историк Ю.Г. Алексеев полагает: «Позиция новгородского боярства, его разрыв с политической системой русской земли могли сыграть роль факела, брошенного в бочку с порохом. К тому времени союз Новгорода с Казимиром, а Казимира с Ахматом мог стать реальностью» [1]. Стоит довериться авторитетному мнению ученого, эта альтернатива развития русских северо-западных земель вполне была бы возможна.

Если доверять московским летописям, то в 1471 г. именно Марфа Борецкая с сыновьями выступила на вече против подчинения Новгорода Ивану III: «Тою отчаянною мыслью нача прельщати весь народ православия, Великий Новгород». «Партия» Борецких пересилила приверженцев великого князя московского: послы новгородского боярства отправились с дарами к литовскому (польскому) королю. Узнав об этом, Иван III 20 июня 1471 г. выступил с войском из Москвы [27, с.54—55].

Летопись описывает, как перед походом великий князь молится; причем, это не просто молитва, ее содержание — явная конъюнктура, подчеркивающая важность исторического момента: «Веси, господи владыко..., яко не своим хотением, ниже своею волею на се держю, еже бы прольятися мнозей крови хрестыанстей на земли, но стою о божественном ти, богоустановленном законе святых апостол и святых отец, даже и о истинном православии Руския земли, а о их, своею отчины, отступленьи к латынству, что же они, людие наши, истинныя веры благочестия отступаютъ, а к латином ся отдавають». Таким образом, великий князь оказывается единственным хранителем истинной христианской веры, а обвинения Новгорода в приверженстве к латинству и в сговоре с Литовским княжеством должны были оправдать действия московского великого князя, который выступил против новгородцев, «яко на иноязычник и на отступник православия».

Поход начался. По мнению летописца, «лукавые» новгородцы понадеялись на свои непроходимые болота, но «на их пагубу» с мая по сентябрь не выпало ни капли дождя: земля, болота «от солнечного зноя пресхоша». Летом 1471 г. новгородцы выстроились на Шелони «в числе тридцати тысяч»; москвичей оказалось значительно меньше, но княжеские воеводы призывали: «Братие, нам мера послужити своему государю великому князю..., а рати их, братие, хотя бы триста тысяч было, а нам одинаково свой живот положить за своего государя за великого князя, а с ними битися за государеву правду». В результате битвы новгородцы не выдержали столкновения, «зело возмятошася от напязанья луков стрел» москвичей, «вдаша своя плеща лукавого ополчения и побегоша вспять»; посрамленные, сбрасывая доспехи, они разбредались «как скот по лесу». Москвичи гнали их верст двадцать [15, с. 331—336].

Вне сомнения, автор летописного свода нарочно сгущает краски, но действительно 14 июля 1471 г. в битве на реке Шелони новгородское ополчение, возглавляемое сыном Марфы Дмитрием Исаковичем Борецким, было разбито московским войском под командованием князя Д.Д. Холмского и боярина Ф. Д. Хромого. Мятежные новгородцы были взяты в плен. Иван III не пожалел пленных новгородцев. Летописец сообщает: «Посадников привадоша к великому князю, он же разъярився за их измену и повеле казнить их: кнутьем бити и главы отсеци» [20, с. 116].

Более подробный рассказ о суде над пленниками содержится в Софийской второй летописи (свод 1518 г. отражает московское митрополичье летописание первой четверти XVI в.): «И прииде в Русу месяца июля 24 и ту повеле казнити главною казнью крамольников Новгородцев, их же живых изымаша: начало крамоле том замыслиша и за короля от всего сердца хотеша, тем же повеле главы отсеци Дмитрею Борецкому Исаковичу Марфину и Василию Губе Селезневу и Еремею Сухошоку, Купреану Арбузьеву и их товарищом; прочих же посадников Василия Казимира и его товарищов 50 лутших отобрав повеле вести к Москве к Коломне и в тюрьму всадити» [20, с. 116].

В том же году был заключен Коростынский договор: Новгород признал Великого князя Московского своим господином, а себя его отчиной и обязался порвать с Литвой. В договоре содержался очень важный пункт: выбранного на вече владыку «кроме московского митрополита нигде не ставить». Усиливалась также судебная власть великого князя в Новгороде. С «людей добрых новгородцев» был взят откуп, а «мелких людей» московский князь велел «отпускати к Новгороду». Для «замирения» с великим князем новый посадник Фома Андреевич поднес ему 1000 серебряных рублей [27, с. 55]. Казалось бы, рядовое для русского средневековья «докончавни», но главный знаток этой эпохи Юрий Алексеев настаивает, что «не похоже Коростынское докончание ни на Яжелбицкий мир, ни на другие, более ранние новгородско-княжеские договоры. На этот раз господа не отделались ни легким испугом, ни тяжелой (16 000 рублей, вдвое больше, чем в Яжелбицах) контрибуцией. Впервые в традиционную, из века в век повторяющуюся мелодию новгородско-княжеских докончаний решительно и властно вторгся новый мотив, подчиняющий себе всю мелодию. Коростынский договор подчеркнул не только полную ликвидацию внешнеполитической независимости боярской республики. Он подчеркнул судебно-административное подчинение Великого Новгорода власти государя всея Руси» [1].

После подписания мирного договора владыка Феофил восстановил традиционный порядок утверждения новгородских архиепископов московским «митрополитом всея Руси».

Ориентация оппозиционной части новгородского духовенства на Киев и Литву стала невозможной. В Москве на церемонии рукоположения Феофила присутствовали архиепископы ростовский, епископы суздальский, коломенский, сарский, пермский, рязанский, архимандриты и игумены крупнейших монастырей, весь «освященный собор славного града Москвы». По случаю такого торжественного акта восстановления Новгорода в составе русского государства новоявленный новгородский владыка выпросил у Великого князя амнистию для пленных земляков. Князь Иван Васильевич принял челобитье и «тех всех отпусти с честью». «Тех всех» было 30 человек. Вымоленные из неволи архиепископом, они вместе с ним отправились в Новгород. Казалась бы, инцидент был исчерпан.

Но уже через несколько лет сторонники независимости Новгорода от Москвы опять стали самой влиятельной силой на берегах Волхова. Возобновила свою деятельность и «партия» Марфы. В 1475 г. ее младший сын Фёдор Исакович Борецкий по прозвищу Дурень вместе со степенным посадником Василием Ананьиным, Иваном Лошинским, Богданом Есиповым, Григорием Тучиным, Матвеем и Яковом Селезнёвыми, Андреем Телятевым, Лукой и Семёном Афансьевыми и другими участвовал в наезде, разбое и грабеже дворов своих противников на Славковой и Микитиной улицах на Торговой стороне [26, с. 166]. Вероятно, к этому же времени относятся и события, описанные в одном из источников агиографического жанра — «Житие Варлаама Важского». Чаще всего этот фрагмент звучит «глухо», редакторы «Жития» сообщают, что боярин Василий Своеземцев, известный на Севере как месточтимый подвижник Важской земли Валаам, был вынужден бежать с семьей из Новгорода в свое имение на Ваге, спасаясь от интриг Марфы [7].

Сведения о Василии Своеземцеве были собраны в середине XIX в. уроженцем Шенкурска, знатоком агиографической литературы М. Г. Заринским, который много лет работал в Важском крае. С 1845 г. Заринский — редактор «Архангельских губернских ведомостей», где он и публикует материалы о жизни Своеземцевых. В его описании судьбы Варлаама Важского значится, что преподобный «был современник посадницы Марфы Борецкой, владелицы больших имений по Двине, от интриг которой удалился с семейством из Новгорода в свое имение, опасаясь, чтобы не подпасть такой же участи, какой подпал его товарищ Мирословский или Милославский, бесследно потерявшийся тогда; но впоследствии оказалось, что она держала его в подземном заключении» [9, с. 4]. Как видим, эти сведения подтверждают «неистовый» характер Марфы, обозначенный в московских летописях скорее символами, нежели фактическим материалом. По поводу притеснений Борецкими своих противников великому князю были поданы жалобы. В ноябре 1475 г. Иван III приехал для суда в Новго-

род. 26 ноября состоялся суд, на котором претензии к Борецким были признаны обоснованными. Виновных приговорили к различным наказаниям. Фёдор Борецкий по распоряжению московского князя Ивана III в оковах был сослан в Муром, где его постригли монахи, а 9 мая следующего (1476) года он умер [3, с. 223; 14 с. 55].

Подкрепили великодержавность Москвы и духовные власти: в 1476 г. Церковный собор в Москве постановил не принимать на Московскую митрополию лиц, присланных из Константинополя и из Рима. Этот и другие проявления диктата Москвы привел к новым всплескам недовольства в бывшем «вольном городе» и в 1477 г. состоялся новый поход княжеских войск на Новгород. В 1478 г. Новгород был «навек замирен» и окончательно утратил свои былые права и привилегии. В Московском летописном своде записаны условия Ивана III: «Государство наше таково: вечевому колоколу в Новгороде не быть; посаднику не быть; а государство все нам держать; волостями, селами нам владеть, как владеем в Низовой земле, чтоб было на чем нам быть в нашей отчине, а которые земли наши за вами, и вы их нам отдайте; вывода не бойтесь, в боярские вотчины не вступаемся, а суду быть по старине, как в земле суд стоит» [20, с. 116]. Тем не менее, «вывод» (в сталинские времена это называлось депортацией) все же состоялся и боярские вотчины отошли к московским властям.

Не осталась выборной и церковная власть Новгорода. В 1480 г. владыка Феофил уличенный в сношениях с королем Казимиром был схвачен и заточен в Чудов монастырь. Это дало повод для отмены права горожанам избирать себе владык, и все последующие архиепископы новгородские поставляются московскими митрополитами.

Что касается «выводов», «мятежная Марфа» лишилась своих владений и была репрессирована одной из первых. Вне сомнения, Марфа Борецкая была одной из самых влиятельных женщин Новгорода. Н. Л. Пушкарёва полагает, что именно «благодаря огромным богатствам Марфа Борецкая обрела значительный политический вес. По величине собственности Марфа к концу XV в. была третьей после новгородского владыки и монастырей» [27, с. 53]. По подсчетам Ю. Г. Алексеева, «около 1200 крестьянских хозяйств принадлежало Марфе Борецкой» [1]. Но были ли среди владений Марфы Борецкой Соловецкие острова? Верно ли то, что она в свое время передала эти земли обосновавшимся там монахам? Для ответа на этот вопрос необходимо проследить этапы владения этой землей за столетие.

До начала XV в. земли, составившие впоследствии территорию Карельского берега Поморья (и близлежащие к территории острова), принадлежали карельской родовой знати из пяти родов «детей карельских». В первой половине XV в. часть земель переходит к новгородским боярам. Так, новгородским посадником Дмитрием Васильевичем Глуховым были

получены по купчей грамоте от представительницы одного из пяти родов «детей карельских» (в данном случае Куролчи) Ховры Тойвутовой огромные владения (250 км с востока на запад, 150 км с севера на юг по современным меркам). Необходимо отметить, что покупка обошлась очень недорого: «пол-четверта рубля», то есть за три рубля с половиною [23, с. 24], что наводит на мысль о недобровольности сделки. Дмитрий Глухов получил «отчину и дедину на море на Выгу, и в Шуге реке, и в Килбоострове, и по морскому берегу, и Поньгами река, по обе стороны, и по лешим озером ее отчина, и в лешей Лопи ее участок, и в Кутоозере ее отчина, и Кемь река с верховьем, куды володел ее отец Василий Кокуй, и в Соловках на море в островах ее отчина, и в Кузовах в островах» [18, с. 291]. Купчая датируется 1447—1458 гг. [17, с. 2].

Никаких актовых записей о переходе земель боярина Глухова к Марфе Борецкой, ее мужу или детям не сохранилось. Возможно, это связано с тем, что после подчинения Новгорода Москве многие боярские архивы были уничтожены, но, вроятнее всего, и не была Марфа владелицей этих земель. Актовые записи того периода свидетельствуют, что земли заволочских погостов в XV в. принадлежали разным владельцам и участки их нередко переходили по купчим, закладным и кабалам от одного лица к другому [9, с. 3].

Хронологически первым правовым документом, обосновавшим права Соловецкого монастыря на какие-либо земли, стала грамота игумену Ионе от новгородских посадников, по которой Соловецкий архипелаг полностью закрепляется за монахами. Грамота приведена в книге «Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря», составленной настоятелем Досифеем в 1836 г. Согласно документу, только монахи имели исключительное право владения «Соловки и Анзеры островом, и Муксалма островом и Заяцким островом и малыми островами». Грамота датируется не позднее 1470 г. Марфа или Борецкие в данном документе не упоминаются.

Следует отметить, что механизм передачи прав на землю осуществлялся достаточно просто, если земли оставались «внутри» новгородской общины. Это была рядовая нотариальная сделка по современным понятиям. Но все значительно усложнялось, если земли в результате сделки выходили из юрисдикции Новгорода. А здесь именно такой случай: монастыри обладали определенным суверенитетом, то есть подчинялись не архиепископам, а напрямую вышестоящим духовным инстанциям. По существующим тогда в Новгороде правовым нормам акт передачи земли в таком случае должны подписать владыка, степенный посадник, тысяцкий и «золотые пояса». Именно такую грамоту Зосима и получил, этот процесс описан в его житии.

В соловецких патериках историки находят и множество других подробностей о событиях тех лет. «Житие преподобных Зосимы, Савватия и Германа, Соловецкой обители первоначальников» повествует о поездке в Новгород игумена Зосимы, ходатайствовавшем о передаче во владение Соловецкому монастырю островов Обонежья. Насельник Соловецкий жаловался, кроме того, на притеснения «детей боярских и корельских»: «Рабы боярские» приходят и «многие пакости творяще, не дают нам (монахам) округ острова рыб ловити и ина многа насильствующе, хотяше место разорити и нас изгнати» [7, с. 124—126]. В источнике содержится рассказ о том, как Марфа не пустила старца на свой двор, но затем, уступая настойчивой просьбе владыки и бояр, дала согласие на передачу островов монастырю. Кроме того, Марфа якобы подарила обители земли на реке Суме и даже пригласила соловецкого настоятеля на пир, где Зосиме было видение. Привиделось старцу, что сотрапезники Марфы лишены голов и Зосима предрек им страшную кончину. Действительно, бояре Новгородские, сочувствовавшие Борецким, были репрессированы князем Иваном Васильевичем в ходе междоусобной борьбы.

Легенда о поездке Зосимы в Новгород «попала» из житийной в краеведческую литературу. Например, «Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря» было написано соловецким архимандритом Досифеем в начале XIX в. на основании агиографических источников, хранившихся в монастырской библиотеке. Вероятно там же, в хранилище Соловецкого монастыря, находились и вкладные грамоты — еще один вид исторических источников (актовый материал). Это вкладные грамоты в Соловецкий монастырь, они достаточно хорошо изучены и описаны специалистами [9, с.4; 32].

Нас интересуют, прежде всего, вкладные грамоты монастырю, данные «лично Марфой Борецкой». Их две. Первая дарственная грамота, по которой монастырю якобы передают рыболовные тони на Варзуге, датируется 1469—1470 гг. В ней дарительница названа «Марфа Исаковская великого новгорода посадница» [21]. Именование Марфы посадницей в данной вкладной грамоте дало основание некоторым литераторам предположить, будто бы Марфа Борецкая была даже избрана новгородским вече в достоинство посадницы. Однако так она могла называться потому, что имела в своем владении посад, свою вотчину или боярщину. К тому же Марфа была женой, а затем вдовой новгородского посадника Исака Борецкого, а также матерью степенного посадника Дмитрия Борецкого, и уже только поэтому могла величаться посадницей. Известный историк В.Л. Янин считает, что эта данная Марфой Борецкой Соловецкому монастырю грамота не является подлинной, в содержании которой

«имеется целый ряд элементов, указывающих на ее подложность» [35, с.357—358]. Исследователь В.А. Буров также приводит ряд аргументов, доказывающих, что это подделка, изготовленная между 1575 и 1633 гг. [5, с. 193—196]

Другую грамоту, судя по тексту, можно датировать между 1471г. (в ней Марфа велит помянуть Дмитрия Исаковича, а его казнь состоялась в 1471 г.) и 1475 г. (так как Фёдор Исакович является «содарителем» матери). В агиографии получение этой грамоты связывают со вторым посещением Зосимой дома Марфы. На сей раз она обошлась с ним более чем благосклонно — пригласила за обеденный стол и дала монастырю грамоту на земли по р. Суме. «Се яз Марфа, Исака Андреевича жена, и сын мой, Федор Исаков, дали есьмя в дом Святому спасу и Пречистей Его Матери и Святого Николы на Соловки игумену Ионе и старцом, на море; в Суме реке у часовни два лука земли, где Парфенка да Першица живут, и на той земли деревни стародомьи, и пожни и лесе полешей, и ловища водные и лешие озера; тыи два лука в дом Святого Спаса и Пречистые Его Матери и Святого Николы по сей данной моей грамоте володети игумену и старцом вовеки; а помянати им мужа моего Исака, и родителей моих, да и детей моих, а ставити им обед на Дмитриев день» [29, с. 12]. Два лука земли (небольшая деревня) для соловецкой хозяйства той поры были не такой уж большой прибавкой, но имя Марфы все же осталось в памяти местных жителей и насельников соловецкой обители.

Очевидно, роль Марфы Борецкой в устройтельстве и развитии Соловецкого монастыря явно преувеличена в житийной и краеведческой литературе. Но как личность и политический деятель, исполнявшая к тому жеразличные гендерные роли (дочери, жены, вдовы, матери, главы партии, правительницы вотчин, благотворительницы) и ломавшей стереотипы поведения средневековой россиянки, она вполне достойна изучения.

Относительно смерти легендарной Марфы существует две версии. Согласно первой версии, по указу Ивана III Марфа Борецкая вместе со своим малолетним внуком Василием Фёдоровичем была арестована и в феврале 1479 г. отправлена в Москву, затем в Нижний Новгород. Там она была пострижена под именем Марии в Зачатьевском монастыре, где, вероятно, вскоре и умерла [4, с. 397]. По второй, Иван III в феврале 1488 г. распорядился схватить Марфу с внуком Василием Фёдоровичем, отослать их в заточение и «тако конечно укроти Великий Новгород». Огромные владения Борецкой были отписаны на Ивана III. Марфа была казнена, не доехав до Москвы, в селе Млеве Тверского княжества [27, с. 55]. Это мнение основывается также на найденной в селе Млеве Вышневолоцкого уезда Тверской губернии близ церкви Спаса Нерукотворного надгробной каменной плите с надписью: «Лета 3...

(следующие далее числительные буквы стерты) положенася, представися раба Божия Марфа на па...» [24, с. 36—40; 19, с. 446—451; 14, с. 57].

Остается дискуссионным вопрос: каковы могли быть альтернативы развития северных территорий в случае победы «западной партии» Марфы Борецкой? Критическое переосмысление исторических мифов и легенд, исторических документальных источников помогло бы «прочитать» события пятисотлетней давности, исходя из актуальности социокультурных факторов нашего века. Ибо «проблемные поля» в российском социуме начала XXI в. остаются теми же: это вопросы соотношения тоталитаризма и гражданского общества, роли «олигархов» и «народа» в жизни страны и выборе исторического пути нации, взаимоотношения церкви и государства, «центра» и периферии. Вероятно, следует обращаться к опыту прошлого, особенно «судьбоносным» его моментам и маргинальным периодам, каким был, например, век Марфы Борецкой.

Литература

1. Lenhoff G., Martin J. Marfa Boretskaia, Posadnitsa of Novgorod: A Reconsideration of Her Legend and Her life// Slavic Review. 2000. Vol. 59(2). P. 343—368.
2. Алексеев Ю. Г. Закат боярской республики в Новгороде. К Москве хотим. Л.: Лениздат, 1991. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusNovgResp/4.htm> (дата обращения: 21.08.2012).
3. Борецкая Мария Ивановна (Марфа Посадница) // Русский биографический словарь: В 25 т. /А.А. Половцов. М., 1896—1918. Т. «Бетанкур — Бякстер». С. 214.
4. Борецкие. Энциклопедический словарь. Репринт. воспроизведение изд. Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон. 1890 г. М.: Изд. центр «Терра», 1990. Т. 7: Битбург — Босха. С. 397.
5. Буров В.А. О печати «Марфы-посадницы» (из истории фальсификаций) // Российская археология. 1999. № 1. С. 193—196.
6. Вернадский Г. Россия в средние века. М., 1997. 352с. URL: <http://zvukobook.ru/audio-book/georgiy-vernadskiy-istoriya-rossii-drevnyaya-rus> (дата обращения: 13.08.2012)
7. Житие преподобного Варлаама Важеского: Изд. древн. рукоп. жития с предисл. А. Григоровича. Санкт-Петербург: тип. В. Ерофеева, 1893.
8. Житие преподобных Зосимы, Савватия и Германа, Соловецкой обители первоначальников. Издание Соловецкой обители, 2001. С. 124—131.
9. Заринский М. Борецкие // Архангельские губернские ведомости. 1884. № 34. С. 3—4.
10. Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М., 1996. С. 389—390.
11. Камкин А. В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года. Вологда: ВГПИ, 1992.
12. Карамзин Н.М. Избранные сочинения. В 2-х томах. Т. 2. М., 1964.
13. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. VI. М.: Олма-Пресс, 2004.
14. Климов А.И., Лизунов П.В. Небесные покровители города. Архангельск, Издательство ПГУ им. М.В. Ломоносова, 1998.

15. Комарович В. Л. Московское летописание и исторические повести конца XV — первой половины XVI в. // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941—1956. Т. II. Ч. 1. Литература 1220—1580-х гг. 1945.
16. Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. Т. I. СПб, 1886.
17. Критский Ю.М. Земельные владения Соловецкого монастыря в XV в. Соловки, 1983.
18. Купчая новгородского посадника Дмитрия Васильевича у Ховры Васильевны дочери Тойвутовой на участки в реках Выге, Шуе, Кеми и на Кильбострове // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. — Л., 1949.
19. Лазарев И. Нечто о Марфе Посаднице и Вечевом новгородском колоколе // Московский телеграф, 1833, ч. 52. С. 446—451.
20. Лизунов П.В. Марфа Посадница: Исторический портрет литературного персонажа // ResPhilologica: Выпуск I. Архангельск, 1999.
21. Лизунов П. Предания старины. Николо-Корельская обитель и Марфа-Посадница // Духовная пристань поморов. История Николо-Корельского монастыря: Статьи, очерки, исследования. Архангельск: Изд. «Правда Севера», 2003.
22. Лурье Я.С. Комментарии // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982.
23. Морозов С. На Белом море, на Соловецких островах. Соловки: Товарищество северного мореходства. Иноческие древности, 1998.
24. Надгробный камень Марфы, может быть посадницы // Русский зритель. 1826. № 1. С. 36—40.
25. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982.
26. Петров А. В. Марфа Борецкая // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 165.
27. Пушкарёва Л. Н. Женщины Древней Руси. М., Мысль, 1989.
28. Пушкарёва Л.Н. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800—2000: Материалы к библиографии. М., Ладомир, 2002.
29. Соловки: монастырь на островах. Сост. А. Андреев, С. Шумов. М.: Издательство «Эксмо», Издательство «Алгоритм», 2004.
30. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Т. 5. Кн. III. М., 1989.
31. Соловьёв С.М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846.
32. Тараканова-Белкина С.А. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковское время. М., 1939.
33. Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889.
34. Шурыгина А.П. Новгородская боярская вотчина XV в.: Боярская вотчина Борецких: автореферат диссертации...канд. ист.наук. Л., 1948.
35. Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991.

*Рецензент — Голдин Владислав Иванович,
доктор исторических наук, профессор*